

Владимир Геннадьевич БОГОМЯКОВ —
доцент кафедры социальных
и гуманитарных наук Тюменской
архитектурно-строительной академии,
кандидат философских наук

УДК 111, 11

О ПОНЯТИИ «СОКРОВЕННОЕ»

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется понятие «сокровенное», имеющее важные онтологический, гносеологический и аксиологический смыслы. Автор сравнивает подходы к сокровенному с позиций патристики и современной философии.

The article analyses the notion of the Innermost which is very significant in ontology, gnoseology and axiology. The author compares the approaches to the Innermost existing in patristic works and in modern philosophical trends.

Теоретическая актуальность философской разработки понятия «сокровенное» определяется тем, что гносеологическая ситуация свидетельствует о необходимости введения понятия, обозначающего всеобщую основу мира, которая есть одновременно совершенство и полнота жизни. Эта всеобщая основа не имеет характера непосредственной эмпирической данности. В разных культурах в различные исторические эпохи возникали понятия, выражающие данную интенцию: «дао», «единое», «апейрон», «логос», «субстанция», «бытие» и т. д. В мировой философской мысли с различных теоретических и экзистенциальных понятий высказывались идеи о том, что:

— за эмпирической данностью наличествует то, что не дано в «простом опыте»;

— это нечто является Святыней и отношение к ней человека благоговейно и любовно;

— человек особым образом синергийно взаимодействует с данной сферой бытия;

— это взаимодействие предполагает осознание-установление-преодоление разного рода границ;

— взаимодействие человека с данной сферой бытия не есть простая сокрытость, так как оно предполагает животворную незримую, ведущую к преображению человека.

«Сокровенное» — слово очень русское, употреблявшееся в святоотеческой и духовной литературе, но до сих не имеющее проясненности философской категории. Оно соответствует позиции Любви, так как имеет и гносеологический, и онтологический, и аксиологический смыслы, имеет синергийный и диалогический характер. Этимология слова «сокровенное» вполне ясна: оно образовано от славянского «кров», имеющего два основных оттенка. Во-первых — укрывание, закрывание, то есть защита. Во-вторых — полагание предела, границы. Эти смысловые оттенки мы видим, например, в словах «кровь», «сокровище», «кровля», «покров» и др. Явленное полагает себя через сокровенное, явленному положена граница, поэтому человек всегда пограничник. Когда речь идет о том или ином сокровенном, то всегда имеется в виду: а) то, что конкретно сокрыто; б) тот, кто сокрывает и с помощью чего сокрывает; в) то, от чего сокрывают. Сокровенное содержит онтологическое, гносеологическое (Л. И. Шестов боялся тирании разу-

ма, как тирании ясного и откровенного) и аксиологическое (сокровище!) начало и может быть понятно в неразрывном единстве бытийных, познавательных и ценностных смыслов. Другость, пограничность, сокровенность – дар Бога человеку и, одновременно, способ, посредством которого осуществляется диалог человека и Бога. Разумеется, сокровенное является таковым по причине неабсолютности человека, обуславливающей существование в ограниченности (пространственной, временной, количественной, качественной, национальной, государственной и прочее). Однако было бы недопустимым упрощением абсолютизировать момент человеческой ущербности, «онтологического ничтожества» человека, когда мы говорим о сокровенном. Бог сам создает себе сокровенное в лице человека. В. Н. Лосский хорошо пишет о бессилии Бога перед человеческой свободой, так как она исходит от его всемогущества: Бог – «просящий подаяния любви нищий, ждущий у дверей души и никогда не дерзающий их взломать» [4, 244].

Рассмотрим взаимоотношения понятия «сокровенное» с понятиями, близкими ему по значению. Прежде всего, укажем на разницу смысла понятий «сокровенное» и «вещь-в-себе». Говоря о человеке в качестве ноуменальной целостности, Кант писал, что есть Я как явление и Я как «вещь-в-себе». Трансцендентальная апперцепция дает мне знание о том, что «Я есмь». Это единственное, что я знаю о себе, как о «вещи-в-себе». А. Ф. Лосев говорит, что «вещь-в-себе» не существует в сознании, в отличие от тайны. О «вещи-в-себе» ничего вообще сказать нельзя, о тайне же найдется что говорить и целую вечность. Тайна есть то, что по самому существу своему не может быть раскрыто, однако, тайна ощутима, представима, мыслима, сообщима в качестве тайны. По мнению Лосева, тайна познается символически и это познание есть нечто среднее между абсолютным знанием и абсолютным незнанием [3, 460]. Конечно, и сокровенное — это не некая отрицательная фикция, но положительная реальность.

Сокровенное следует отличать, однако, и от тайного (на этот момент указывал М. Хайдеггер, разделявший *Verborgenheit*, то есть сокрытость – сокровенность – сокровище и *Geheimnis*, что означает тайну, утаивание, потаенность) [1, 15]. Мы считаем, что Тайное (если речь идет о тайне с большой буквы), можно отнести к области сокровенного, но сокровенное, как мы увидим, богаче смыслами, разнообразнее, конструктивнее и животворнее для человека. Сокровенное не есть неизвестное. Смысл неизвестного в том, что оно «пока не известно», но при определенных условиях становится для субъекта известным. При этом субъект всегда стремится неизвестное сделать известным, темное прояснить и т. д. Однако, имея дело с сокровенным, мы обнаруживаем гораздо более сложное и противоречивое отношение к процессу познания: выявляются, например, ситуации, когда человек вполне способен к раскрытию и прояснению, но не спешит это делать, так как для него важен момент дистанцирования от определенной области бытия, наделения ее особым экзистенциально-личностным смыслом.

Сокровенное не есть только непостижимое. В непостижимом мы видим лишь агностицизм, лишь апофатику без намека на катафатику, лишь Синайский мрак без проблеска Фаворского света. Сокровенное же аффицирует душу, дает уникальные когнитивные состояния; это непостижимое, которое не желает быть таковым, по мере готовности человека выходит к нему навстречу и отдает себя ему. Сокровенное не исчерпывается сакральным, так как опыт сокровенности обретается и в результате отмежевания от областей нечистых, деструктивных, табуированных, укрывания себя от хаоса, пустоты и «тьмы внешней». Сокровенное не есть, разумеется, просто скрытое. Скрытое есть лишь некая загадка или секрет: оно не имеет творческого могущества сокровенного и его животворной силы. (Секретное от лат. *Secretus* – то есть скрытое, эзотерическое, то, что можно передать «посвященным»). Скрытость, секретность видим мы в европейской каббале, древнегреческих мисте-

риях, гностических учениях, учениях масонов, теософов, антропософов. И, наоборот, в христианстве, выражающем спасительную миссию Христа, во Вселенской Церкви — полное отсутствие скрытости, секретности, эзотеричности. Скрытому свойственна известная механистичность: нечто может быть просто механически скрыто от нас, скажем, в ящике стола. Скрытость настраивает на разоблачение какого-либо обмана, ниспровержение ложной реальности, «майи». Так, Ж. Бодрийяр выступает с концепцией гиперреальности, то есть реальности, построенной в качестве гипертекста, где война в Персидском заливе происходит не в «реальности», а на дисплеях компьютеров. Скрытость приводит к философии недоверности, виртуальной реальности, согласно которой окружающий мир лишь кажется реальностью.

Для нас принципиальное значение имеет определение статуса категории «сокровенное», ее место в иерархии значений. Согласно концепции Ю. М. Федорова [6, 11-17], наиболее высокое место в гносеологической иерархии занимают *трансценденталии* — это то, что не рационализируется разумом до конца, что конституируется принципом веры, что обретается через Откровение. Ступенью ниже находятся универсалии, в которых фиксируется тот универсум, где человек реально существует. *Универсалии* имеют дело с «очеловеченной трансцендентностью», где человек уже освобождает себя от необходимости Откровения, осознает свое универсальное значение, но все же эта «очеловеченная трансцендентность» не вполне проявлена для рационального познания. Универсалии выражают отношения между сущностями в целостном человеческом бытии. Еще ниже располагаются *категории*, структурирующие человеческий мир, располагающиеся на стыке рационального и трансрационального. Далее идут понятия, составляющие слой рационального познания, и, наконец, *термины*, с их примитивной однозначностью ярлыка. Путь нисхождений от трансценденталий к терминам есть путь одновременного понижения онтологического статуса человека и повышения его гносеологического статуса. Этот путь, снижающий антиномичность, синергийность и диалогичность, заканчивается квазирациональностью. Иссякновение диалогичности и антиномичности приводит к агрессивной терминологической однозначности. В сознании человека одно и то же слово на разных уровнях воспринимается по-разному: как трансценденталия, или универсалия, или как примитивный термин. Например, «свобода» может выступать в качестве понятия, выражающего свободу выбора; когда мы говорим о свободе духа, оно приближается к универсалиям; но оно может стать трансценденталией, выражающей Предвечную Тайну — «где Дух Господень, там свобода». В контексте нашего исследования понятие «сокровенное» можно интерпретировать как трансценденталию-универсалию, возвышающуюся над понятиями и категориями, так как она выходит на высший строй бытия. С другой стороны, в понятии «сокровенное» фиксируется Высшее Начало, которое не желает быть полностью непознаваемым, которое идет навстречу человеку; помогает ему, ситуативно раскрывая и закрывая перед ним различные аспекты реальности. Если трансценденталии есть привилегия религиозного сознания, то «сокровенное» как трансценденталия-универсалия является мостиком между сознанием религиозным и сознанием рационально-научным. Необходимость такого мостика для нас, давно разделивших «царство разума» и «царство веры», очевидна и необходима.

Сокровенное есть универсальная разновидность опыта первичной бытийной ориентации. Сокровенное — важнейший принцип бытия, имеющий диалогический, синергийный характер, выступающий для человека в аутогерменевтическом и социально-коммуникативном аспектах, как принцип самопонимания и миропонимания, как принцип самотрансформации и изменения мира. Понятие «сокровенное» возвращает нас к парменидовскому содержанию понятия «бытие», как

того, что сокрыто от простой достоверности опыта. (В последнее время наше исследование «форм бытия» зачастую принимает вид перечисления эмпирических данностей).

По нашему мнению, сокровенное предстает перед человеком в трех основных видах.

1. Сокровенное как непостижимое для человека в принципе, но жизненно важное для его души, так как оно выступает как Святыня и Тайна.

2. Сокровенное как предстоящее быть открытым в процессе теозиса. Иначе говоря, это то, что сокрыто грехом, отсутствием внутренней целостности; то, что открывается лишь полноте человеческого (или, как пишет Николай Кузанский, «максимальному человеку»).

3. Сокровенное как хранение, оберегание душевно-духовной целостности себя и других; как защита от деструктивных сил, понимание пределов и дистанций, которые преодолимы для человека, но он не должен их преодолевать.

Рассмотрим подробнее названные три вида сокровенного. Осмысление существования первой разновидности сокровенного – непостижимого в принципе предполагает осознание человеком наличия таких областей, куда факты не проникают. Хайдеггер пишет о том, что есть молчаливая тайна бытия, которая не раскрывается, но только открывается как тайна. Нечувствование и непонимание данного вида сокровенного может принимать форму сжигающей человека «тоски по непознанному», ведущей в конечном итоге к безысходности, разрыву существования и, в конце концов, к духовной смерти. И, наоборот, для людей высокодуховных характерно понимание такой сокровенности как необходимости питать разум Тайной. Непостижимого нет и не может быть для оккультизма, для которого может существовать не сокровенное, но временная сокрытость. Осознание важности непостижимого для человеческого бытия позволило К. Ясперсу определять философию как форму осознанного незнания.

Такая постановка вопроса традиционна для философии. Николай Кузанский, обосновывая свое «ученое незнание», писал, что познать можно лишь то, как и в какой степени мы не знаем Абсолют. А. Ф. Лосев в работе «Самое само» уделяет большое внимание Тайне как положительной реальности, которую он именуется «абсолютной самостью»: «все существующее — логика с ее категориями, природа с ее вещами и организмами, история с людьми и их жизнью, космос со всей его судьбой есть только символы самого самого или абсолютной самости» [3, 472]. Тайна, по мнению А. Ф. Лосева, как уже было сказано выше — символически познаваема и эта символическая познаваемость есть нечто среднее между абсолютным знанием и абсолютным незнанием. Разумеется, всякий символ «абсолютной самости» условен, относителен. С. Л. Франк в своей работе «Непостижимое» писал, что непостижимое при всей своей непостижимости встречается в составе нашего опыта, иначе мы не могли бы данное понятие сформулировать. По мнению С. Л. Франка, все известное дано на фоне самоочевидного присутствия неизвестного [8, 207]. «Всякая вещь и всякое существо в мире есть нечто большее и иное, чем все, что мы о нем знаем и за что мы его принимаем, более того, есть нечто большее и иное, чем все, что мы когда-либо сможем о нем узнать, а что оно подлинно есть во всей своей полноте и глубине — это и остается для нас непостижимым» [8, 220]. С. Л. Франк говорит, что всякое утверждающее суждение о непостижимом не может быть принято, что антиномическое познание есть витание над логически несвязуемыми суждениями: истина лежит в невыразимой середине, в несказанном единстве между двумя суждениями.

По поводу сказанного С. Л. Франком можно заметить следующее. Во-первых, непостижимое — это, прежде всего, Божественная Реальность, отношение к которой человека, конечно, не есть чистое познание (как любого другого объекта), а

теозис. Но непостижимое есть и в человеке, имеющим Образ Божий, и в вещах, так как они есть Его творение. Всякая вещь есть абсолютная индивидуальность и непохожесть, «все абсолютно ново и абсолютно небывало». Абсолют живет в каждом нашем начинании, поскольку оно совершается раз и навсегда, и никогда не повторится [5, 45]. Во-вторых, выход для человека может состоять в отказе от поиска «невыразимой середины» и в принятии того, что человеку по его греховной немощи не стоит пытаться определять неопределяемое и категоризировать некатегоризируемое. В истории философии существуют два противоположных подхода к непостижимому. Первый – это линия Канта, согласно которой трансцендентное, Бог есть «вещь в себе». Вторая – это линия Гегеля и Фихте, согласно которой мы преодолеваем конечное, становимся на позицию Абсолюта и здесь-то и начинается собственно философия. Ни та, ни другая точка зрения не представляется нам верной. Между человеком и Богом пролегает бездна, но Бог неизъяснимо открывает себя человеку по мере его готовности. Готовность же обретается на пути теозиса, который есть вселенское завершение, единение Бога и человека.

Второй вид сокровенного – сокровенное, которое должно открыться человеку в процессе теозиса. Здесь сокровенное выступает в качестве сокрытого грехом, задавшим новый модус существования. Но человек восходит к полноте Божественного, преодолевая грех. Он раскрывает для себя смысл и глубину Священного Писания, догматов, церковной традиции, которые не лежат на поверхности. Обратившись ко второму виду сокровенного, мы приходим не к агностицизму, не к отказу от познания, но к особой экзистенциальной позиции, направленной на соединение с Высшим Началом. Ю. М. Федоров пишет: «Человек должен обнаруживать причину того, почему мир становится именно таким, каким он становится не в рациональном, поверхностном слое сознания, а в сакральных и метафизических глубинах своего бессознательного, в своих креативных, творческих интенциях» [7, 33]. Однако здесь отправными точками обретения сокровенности должны стать Боговоплощение и Богочеловечество, обожение всей полноты человеческого естества, высветляющее вещи в их таковости. Если же мы просто будем «расширять сознание», то это приведет нас к унылому иллюзорно-безжизненному психоделическому горизонтализму, который еще бессокровеннее рационально-поверхностного слоя сознания.

Третий вид сокровенного может иметь несколько смыслов. Во-первых, табуирование областей деструктивных и нечистых. Здесь следует упомянуть важнейшее понятие аскетике «бесстрастие» и его охранительный и очистительный смысл, так как бесстрастие определяют именно как хранение сердца и хранение ума [9, 137]. Выше уже говорилось, что, в отличие от «бесстрастия» стоиков, здесь речь идет об удивительной «животворящей мертвости» (Симеон Новый Богослов), не отсекающей, но прелагающей и преобразовывающей. Во-вторых, бережное отношение к внутренней сокровенности другого человека и самосокровенности как Образу Божию в себе. В-третьих, бережное отношение к Святыне вообще. Христос запретил бросать перед неразумными свиньями жемчуг, то есть Царство Божие. Николай Кузанский в «Апологии ученого незнания» пишет: «Где не могут вместить Тайну, там она не только не приносит плодов жизни, но, став предметом поношения, делается причиной смерти» [2, 10]. (Страх «причастия во осуждение», страх Гнева Божия есть вещь, несовместимая с постмодернистской культурой). Дистанцирование от неабсолютности предполагает хранение себя в догмате, в вере, в культуре, в традиции. Человек часто прячется от объяснений и прояснений (например, видит яблоко, но не хочет видеть червяка в нем). Иногда здесь действуют психологические механизмы самоуспокоивания, самогипноза, боязни потревожить свой эгоистический внутренний уют. Но часто за отказом от объяснений, прояснений, дотошной рационализации и досконального проговаривания стоит внутреннее

благочестивое отношение к сокровенному. Сокровенное противостоит тому, что явлено порнографически—грубо и своевольно. Такое явленное становится противоблагодатным, обретает зловещие черты; бытие превращается в небытие, сохраняя иллюзию бытия. Совершенно очевидно, что вопреки рационалистическим, позитивистским, сциентистским схемам, не всякое знание человеку на пользу, во благо. Отсутствие сокровенного ведет, как это ни парадоксально, к тотальной недостоверности, ибо достоверную систему наших знаний образуют сомнение и вера, тайное и явное, сокровенное и откровенное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бимель В. Мартин Хайдеггер сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Челябинск, 1998.
2. Кузанский Н. Апология ученого незнания. Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1979.
3. Лосев А. Ф. Самое само. М., 1999.
4. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
5. Мерло-Понти М. В защиту философии. М., 1996.
6. Федоров Ю. М. Предельные основания философии: от трансценденталий к универсалиям // Философия. Метафизика. Язык. Сб. науч. трудов. Саратов: Поволжский межрегиональный учебный центр, 1998.
7. Федоров Ю. М. Сумма антропологии. Кн. 1. Новосибирск, 1994.
8. Франк С. Л. Сочинения. М., 1990.
9. Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. М., 1998.

Сергей Михайлович ХАЛИН —
доцент кафедры философии,
доктор философских наук

УДК 122

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК МЕТАПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

АННОТАЦИЯ. В статье проблема рациональности рассматривается применительно к сфере изучения самого познания — метапознанию. Последнее представляет собой особую надстройку над предметным базисом познания — естествознанием и социально-гуманитарным познанием. В качестве основного инструмента анализа проблемы используется разработанная автором статьи концепция исторических типов познания.

The paper is devoted to the problem of rationality in the sphere of cognitive studies referred to as metacognition. The latter is introduced as a specific superstructure over a definite subject basis — the natural and social-humanitarian cognition. The conception of the historical types of human cognition elaborated by the author is treated as the main tool for the suggested analysis.

Начиная с последней трети XIX в. и особенно в XX в. проблема рациональности становится одним из важнейших центров, вокруг которого концентрируется активность философской, психологической, лингвистической, исторической и иных составляющих современной мысли. Особое место она занимает в сфере исследований самого познания — метапознания, которое переживает в настоящее время